

«Арабская весна» – 2?

Ближний Восток снова сотрясают волнения. Молодежь восстает против коррупции и отсутствия перспектив.

Читайте эту статью на немецком языке

Свежие фотографии, поступающие из Бейрута, Алжира, Хартума и Багдада, вызывают ощущение дежавю. Публичное пространство заполняют демонстранты, вступающие в уличные бои с полицией. Автомобили для личного состава сил безопасности, которые работают на пределе сил и часто наносят ответные удары с той же жестокостью, что и восемь лет назад, украшают граффити. Вернулся даже священный боевой клич «Хлеба, свободы, социальной справедливости и человеческого достоинства».

Ввиду поразительного сходства новых акций протеста с событиями 2011 года умолкли наконец даже голоса тех, кто еще в прошлом году предрекал безвозвратный конец социальных движений и крах «арабской весны» на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Радикальные перемены, охватившие в 2011 году почти все страны этого региона, особенно пошатнули тогда режимы с республиканским устройством, властители которых не смогли обосновать свои претензии на единоличное правление исторической или династической наследственной правопреемственностью, а созданная ими система политических элит не устояла под давлением улицы.

Некоторым республикам удалось избежать такой участи лишь благодаря глубоко засевшим в сознании людей травмам, связанным с предыдущим опытом насильственных режимов в недалеком прошлом. В отличие от Туниса или Египта Алжир, Ирак с Ливаном и Судан за последние десятилетия пережили политические кризисы с применением насилия в форме гражданских войн или внешнего военного вмешательства. Болезненные воспоминания об этом вызывают у людей в лучшем случае весьма сдержанный восторг новыми политическими потрясениями. Если посмотреть на развитие последних событий в этом регионе, создается впечатление, что

именно здесь начался второй этап «арабской весны».

В Судане возобновилась борьба за право участия в принятии решений, социальную справедливость и достойную человека жизнь. Деспотичный правитель Омар аль-Башир был вынужден оставить свой пост после почти 30-летнего пребывания у власти.

Именно в Судане, где последняя волна внутреннего государственного насилия прокатилась по стране всего несколько лет назад, возобновилась борьба за право участия в принятии решений, социальную справедливость и достойную человека жизнь: в декабре 2016 года высокие темпы инфляции и удорожание стоимости жизни, а также сокращение субсидий на хлеб и бензин вывели тысячи людей на улицы Хартума. Все попытки удовлетворить требования населения при помощи косметических реформ закончились провалом. 11 апреля 2019 года военные заставили тирана Омар аль-Башира уйти со своей должности после 30 лет пребывания у власти.

За Суданом в середине февраля 2019 года последовал Алжир, где вспыхнули протесты против выдвижения кандидатуры Абдель Азиза Бутефлики, десятилетиями правившего страной и превратившегося к настоящему времени в дряхлого старика, для избрания на пятый срок. Осенью этот процесс распространился и на другие республики: в Ираке спонтанные акции протеста в октябре вылились в многодневные массовые беспорядки после того, как силы безопасности убили свыше ста демонстрантов и ранили тысячи других. С тех пор кровавые конфликты раскручивают спираль насилия.

Почти одновременно на авансцену событий выдвинулся Ливан и его «октябрьская революция»: здесь сопротивление улицы вначале было направлено против финансовой политики и абсурдных планов правительства по налогообложению. В кратчайшие сроки демонстрации переросли в крупнейшие массовые протесты со времен окончания гражданской войны. От этого не уберется даже Египет, где борьба за предоставление социальных и политических прав, казалось бы, была проиграна. Несмотря на то (или, быть может, как раз потому?), что силы безопасности Ас-Сиси привычно применили массовые репрессии против демонстрантов, а также подвергли пыткам и депортациям инакомыслящих, тысячи людей впервые за многие годы в сентябре снова вышли с требованиями свержения режима.

Новые акции протеста

И хотя силам государственной безопасности посредством репрессий

*подхлестываются
прежде всего потерей
доверия к правящему
политическому классу со
стороны лишенного
большой частью работы
и перспектив молодого
поколения*

удалось установить контроль над движением протеста, все же страна не выглядит столь же стабильно, как думали до сих пор. Это же касается и некоторых монархий, переживших потрясения 2011 года благодаря смеси репрессий и селективных реформ. Так, в сентябре Иорданию потрясла самая крупная в истории страны забастовка работников публичного сектора. Свыше 100 тыс. учителей, вышедших на забастовку, ввергли правительство в глубокий политический кризис.

Итак, новая волна «арабской весны»? Многое говорит в пользу этого предположения. Такой же пестрый спектр протестующих, представленный рабочими, молодежными организациями и оппозиционными партиями. Протесты возглавляют учащиеся и студенты, а также часто женщины, в сознании которых гражданская война и опыт насилия «первой» «арабской весны» не оставили столь глубокого следа, как у поколения их родителей. В то же время внутри протестных коалиций лишь слабо просматривается четкая организационная структура.

Тем самым, как и в 2011 году, протестанты производят впечатление движения, частично лишенного лидеров. Зато они делают ставку на хорошо испытанный протестный арсенал и скандируют общеизвестные лозунги, но с одним существенным отличием: главной движущей силой в этот раз стали причины социально-экономического характера. Права на свободу и равенство хотя и сохранили свое значение, однако в центре внимания оказалась коррупция и социальные вопросы.

Новые акции протеста подхлестываются прежде всего потерей доверия к правящему политическому классу со стороны лишенного большей частью работы и перспектив молодого поколения. Экономические неурядицы сохранились даже спустя восемь лет после «арабских бунтов», более того, они еще более обострились. Показательным в этом отношении является положение в Алжире. В этой собственно богатой стране, покрывающей 70 процентов своего общего экономического потребления за счет импорта, валютные запасы после обвала цен на нефть за последние пять лет сократились на две трети.

Как показали события 2011 года, исход подобного спонтанного

всплеска протестной активности почти непредсказуем.

Правительства, причем не только этого региона, поступили бы очень правильно, если бы подготовились к нему.

Экономика Ирака еще в 2011 году пострадала от последствий длящегося десятилетиями конфликта. Начало гражданской войны в соседней Сирии и наступление «Исламского государства» в Мосуле еще больше подлили масла в огонь. Провозглашенная в 2017 году победа над джихадистами привела не к перезагрузке, а к цементированию системы политической элиты в Багдаде. Нечто подобное можно сказать и о Ливане: и здесь из-за конфликтов на религиозной почве, гражданской войны и бесхозяйственности разразился тяжелый финансово-экономический кризис. Страна оказалась на пороге банкротства, в то же время необходимые реформы блокируются олигархическими структурами.

В остальных странах региона также наблюдается нехватка валюты, ослабление национальных денежных единиц или инфляция в сочетании с повышением стоимости жизни, проявления круговой поруки, дисфункциональное хозяйствование по принципу «государства-рантье» и свирепствующая коррупция. Неслучайно протесты всегда вспыхивали в связи с событиями, которые особенно ярко демонстрировали клептократическую сущность элит. Как в Ливане, где министр информации объявил о введении налога на информационные сводки новостей на базе Интернета по приложению WhatsApp, которые до этого момента подрывали монополию влиятельных семейных кланов в телекоммуникационном секторе. Или в Египте, где предприниматель в сфере строительства, годами обогащавшийся в качестве субподрядчика на государственных заказах для армии, при помощи видеопослания из эмиграции обнародовал подробности о растрате миллиардных сумм государственных средств.

Как показали события 2011 года, исход подобного спонтанного всплеска протестной активности почти непредсказуем.

Правительства, причем не только этого региона, поступили бы очень правильно, если бы подготовились к нему. К тому же «вторая волна» «арабской весны» может пойти по иному сценарию раскручивания эскалации по сравнению с ее предшественницей. Ведь обе стороны многому научились. После «арабской весны» авторитарные режимы региона вначале извлекли уроки из опыта борьбы с протестами путем заимствования друг у друга тактики и приемов репрессий, систематического наращивания военной мощи сил безопасности и осуществления посредством косметических реформ и кооптирования превентивных мер с целью

предотвращения новых вспышек активности. Как показали массовые убийства гражданских лиц в Ираке и Судане, в этих странах так и не возобладала точка зрения, что репрессии являются лишь отчасти пригодным средством преодоления социального сопротивления.

Самым важным уроком «арабской весны» стал вывод о том, что успех революции не измеряется свержением диктатора. Напротив, это лишь начало более глубоких преобразований.

В то же время гражданское общество в арабских странах многому научилось. Это нашло свое проявление не только на тактическом уровне. Самым важным уроком «арабской весны» стал вывод о том, что успех революции не измеряется свержением диктатора. Напротив, это лишь начало более глубоких преобразований. В Алжире демонстранты не уходили с улицы спустя шесть месяцев после отречения Бутефлики и вступали в бой с армией за осуществление процесса структурных изменений, а не косметических реформ.

В Судане, несмотря на жестокие репрессии, протесты утихли лишь после того, как в результате переговоров удалось подписать соглашение между гражданскими активистами и военными о трехлетнем переходном этапе. В Ливане сотни тысяч людей также считают отставку премьер-министра Саада аль-Харири вопреки воле его партнера по коалиции, влиятельного движения Хезболла, лишь промежуточным успехом. Следующим шагом согласно их требованиям должно стать назначение технократического правительства, а в среднесрочной перспективе – полная отмена пропорциональной системы на конфессиональной основе, по которой в ливанском демократическом государстве до сих пор распределялись самые важные государственные должности. Непокосимость протестующих дает о себе знать и в скандировании лозунгов, например, ставшего популярным девиза «Либо мы победим, либо станем Египтом».

Удастся ли массовым движениям добиться таким образом прочных перемен в сформировавшихся в течение десятилетий олигархических правящих структурах региона, вопрос открытый. Но Европа должна бы проявить больше внимания к их призывам и стойкости. Ведь они свидетельствуют, что регион так быстро не успокоится. Но пока что Запад демонстрирует скорее сдержанную позицию. Ввиду вызвавших разочарование итогов «первой» «арабской весны» энтузиазм международного сообщества иссяк. В Берлине и Брюсселе обеспокоены тем, чтобы Судан не стал второй Ливией, а Алжир

последовал по египетскому сценарию.

Субъекты принятия политических решений в Европе должны наравне с режимами и активистами этого региона извлечь урок из ошибок прошлого

Беспомощность европейской миграционной политики также не способствует поддержке субъектами принятия решений новых протестных движений. Это не в последнюю очередь объясняет столь сдержанный резонанс в Европе на акции протеста. Ведь устоявшимся демократиям в данный момент самим приходится вести борьбу с национализмом и эрозией демократических правил игры. Когда горит собственный дом, вид по ту сторону Средиземного моря окутан дымом. Такое выжидание понятно, но опасно. Оно чревато тем, что другие игроки смогут наложить свой еще более сильный авторитарный отпечаток на и без того мало урегулированном игровом пространстве Ближнего Востока и Северной Африки. Россия посредством своей военной активности в Сирии в течение нескольких лет посылает сигнал, что в отличие от Запада не бросит своего союзника в этом регионе на произвол судьбы.

Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты также осуществляют огромные инвестиции в построение и укрепление союзнических автократических режимов, хотя сами не раз страдали от народных восстаний. Плоды этой политики можно наблюдать в Египте, где контрреволюция унесла жизни тысяч людей и сделала десятки тысяч политическими узниками. Или в Ливии, где бывший армейский генерал с весны ведет военную кампанию против центрального правительства, признанного в том числе и Германией. Что уж говорить о Йемене или Сирии.

Субъекты принятия политических решений в Европе должны наравне с режимами и активистами этого региона извлечь урок из ошибок прошлого. Например, из того, что генералы не являются надежными партнерами в демократических преобразованиях; что активисты становятся легкой добычей сил безопасности, как только исчезает защита в форме массовых протестов; что неолиберальные реформы структурной перестройки лишь обостряют социальные

кризисы в регионе; что из динамики соотношения между протестами и репрессиями в непосредственном соседстве с Европой могут довольно быстро произрасти конфликты с применением насилия, могущие иметь необратимые последствия в том числе и для европейского сообщества.

Нынешние вспышки гражданской активности, независимо от того, считать их второй весной или нет, предоставляют Европе второй шанс: не мешкая, как это было в 2011 году, оказать решительную поддержку в борьбе за социально-экономические и политические права, внимательнее отнестись к слишком легко воспринимаемым на веру заверениям в демократии просвещенных монархов или военных переходных правительств, как это случилось в 2012 и 2013 годах, и оказать финансовую и техническую поддержку там, где власть преержащие демонстрируют реальную готовность к заключению нового общественного договора со своим населением. Европа не имеет права упустить этот исторический шанс.

Яннис Гримм
Берлин

Яннис Гримм (Jannis Grimm) – координатор по вопросам профсоюзного движения в регионе Ближнего и Среднего Востока, а также Северной Африки и референт по Ливии Фонда им. Фридриха Эберта. Защитил диссертацию по теме «Динамика развития протестного движения и государственные репрессии в Египте и Турции» в Берлинской высшей школе «Мусульманские культуры и общества» (BGS MCS) при Свободном университете Берлина.